

29.11.18

ИРАН ТЕРЯЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ, НО СОХРАНЯЕТ БОЕСПОСОБНОСТЬ

ПОЛИТИКА САНКЦИЙ 22-28 НОЯБРЯ

Тегеран, согласно оценкам иранских исследователей, сможет финансировать свои военные расходы, несмотря на санкции США. В то же время американское давление уже привело к снижению политического влияния страны в регионе. В частности, Ирак отказался от экспорта в Иран нефти из месторождения Киркук. Опросы показывают снижение популярности Ирана среди иракского населения. В самом Иране нарастают разногласия внутри правящей группы. Так, часть политиков, включая президента Хасана Рухани и министра иностранных дел Мохаммада Джавада Зарифа, лоббируют признание одобренных ООН стандартов борьбы с отмыванием денег, чтобы упрочить ирано-европейские деловые связи. Консервативные силы противятся этому шагу.

26 ноября **Али Акбар Салехи**, глава Организации по атомной энергии Ирана, **заявил**, что если ЕС не найдет способа сохранить экономические выгоды, которые были важным для Ирана элементом ядерной сделки 2015 года, то последствия могут быть опасно непредсказуемыми. 22 ноября генеральный директор МАГАТЭ **Юкия Аmano** **подтвердил**, что Иран продолжает соблюдать условия ядерной сделки.

Тегерану есть чем подкрепить свои воинственные заявления. **По словам Амира-Али Хаджизаде**, командующего ВВС Корпуса стражей исламской революции, американские ближневосточные военные базы и дислоцированные в регионе авианосцы находятся в зоне досягаемости иранских ракет и могут стать их мишенью в случае возникновения угроз для безопасности Ирана. В качестве примера он назвал две потенциальные цели – авиабазы Эль-Удейд в Катаре и Эль-Дафра в ОАЭ.

Согласно недавнему **исследованию** иранских ученых, снижение военных расходов

Ирана будет тем сильнее, чем больше стран присоединится к санкционной инициативе США. При наиболее жестком варианте блокады может повториться ситуация периода 2006-2015 годов, предшествовавших ядерной сделке. Тогда военные расходы Ирана упали на 30% из-за того, что скоординированная политика стран Запада привела к критическому падению экспортных поступлений в бюджет. По пессимистической оценке ученых, многосторонние санкции в долгосрочной перспективе могут привести к уменьшению иранского военного бюджета на 77%. Однако попытка экономической изоляции исламской республики не приведет к катастрофическому ослаблению военной мощи страны, если санкции останутся односторонними.

Таким образом, в обозримой перспективе военному потенциалу страны ничто не угрожает. Иран сохранит боеспособность, но может утратить часть политического влияния в регионе.

Жители Ирака критикуют иранскую политику

Ирак, несмотря на тесные связи с Тегераном, под давлением Вашингтона **анонсировал** прекращение экспорта нефти в Иран из месторождения Киркук; это сырье будет теперь поставляться в Турцию. Также американцы потребовали, чтобы Багдад оплачивал поставки иранского газа не в долларах, а в иракских динарах. Иран, в свою очередь, отказывается от такой валюты расчетов, желая получать оплату если не в долларах, то в евро.

The Washington Post **приводит** обобщенные данные социологических опросов, регулярно проводившихся среди иракских шиитов в последние десять лет, согласно которым популярность Ирана падает. Так, если в 2015 году благожелательно к Ирану относились 88% опрошенных, то в 2018 году – только 47%. Отрицательное отношение в 2015 году высказали 6%, в 2018 году – 51%. Более того, из опросов с.г. следует, что 58% иракских шиитов считают Иран угрозой для суверенитета Ирака; в 2016 году таких респондентов было 25%.

Аналитики социологической организации Alustakilla, организовавшей опросы, называют следующие причины изменения общественного мнения. Во-первых, иракцы критикуют Иран за поддержку иракских руководителей, формировавших правительства страны начиная с 2006 года, когда политическая система стабилизировалась после войны. Деятельность этих лидеров оценивается гражданами крайне негативно из-за провала попыток повысить уровень жизни в стране.

Во-вторых, многие полагают, что Иран использовал иракскую экономику для обхода экономических санкций, тем самыми способствуя разрастанию теневого сектора и наводнению национального рынка дешевой, низкокачественной продукцией. Это привело к разорению местных производителей широкого спектра отраслей – от нефтехимических производств до томатных ферм. Кроме того, Иран из-за нехватки воды построил дамбы на некоторых реках, что привело к дефициту питьевой воды в южном Ираке.

В общем, нет гарантий сохранения в будущем устойчиво сильных позиций Тегерана ни в Ираке, ни в ближневосточном регионе в целом. Существует риск политической дестабилизации и внутри самого Ирана.

The Financial Times **отмечает**, что американские санкции дали толчок внутривнутриполитическим распрям: **Мохаммад Джавад Зариф**, министр иностранных дел Ирана, подвергся критике консервативного крыла иранской элиты из-за высказанной им поддержки инициатив по борьбе с отмыванием денег. Смысл заявления политика состоял в том, что соблюдение исламской республикой международных стандартов финансовой прозрачности поможет сохранить деловые связи иранских компаний с европейскими партнерами. Поэтому страна должна присоединиться к стандартам Группы по разработке финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), чьи рекомендации одобрены ООН. Сходной точки зрения, по мнению обозревателей газеты, придерживается президент республики **Хасан Рухани**. Этим «центристам» противостоят радикально антизападные сторонники разрыва ядерной сделки. Они контролируют Совет стражей конституции, надзорный орган, способный наложить вето на любой законопроект.

Экономическая стабильность страны тоже подвержена рискам. Санкции США оказывают широкое воздействие на социальную сферу. Согласно **исследованию**, проведенному по заказу иранского парламента, безработица может вырасти до 26%. **Эсхак Джахангири**, вице-президент Ирана, указывает, что наиболее уязвимы по отношению к влиянию санкций два параметра – уровень занятости и покупательная способность населения. Поэтому приоритет правительства – создание новых рабочих мест и предотвращение закрытия действующих предприятий.

Граждане в попытке избежать потери своих сбережений способствуют развитию черного рынка валюты. В ситуации неопределенности они **восприимчивы** к слухам, распространяемым валютными трейдерами через местные Telegram-каналы, которым иранцы доверяют больше, нежели традиционным масс-медиа. Некоторые из таких каналов имеют более 2 млн подписчиков. Они транслируют искаженную информацию, способствуя нагнетанию панических настроений. Например, затягивают публикацию новостей о росте курса иранского риала, а в иных случаях сообщают ложные котировки. В результате розничный обменный курс доллара искусственно завышается.

Устойчивость финансовой системы зависит от притока экспортной выручки. Ее величина – производная от объема покупок нефти странами, получившими от США временное освобождение от вторичных санкций за продолжение транзакций с Ираном.

Bloomberg **приводит** данные, отражающие характер поведения неевропейских импортеров иранских энергоносителей.

- Южной Корее по решению американских властей дозволено покупать 200 тыс. баррелей в сутки, причем только в виде конденсата, который нужен стране, поскольку местные заводы используют именно это топливо. Корейцы планируют совершать эти транзакции по крайней мере до марта 2019 года.
- Япония, переставшая совершать покупки иранского сырья в октябре с.г., обдумывает, стоит ли возобновлять их; прежние объемы составляли 160 тыс. баррелей в сутки.
- Индия до санкций покупала 560 тыс. баррелей в сутки, теперь американцы разрешили ей ввозить не больше 300 тыс.

- Китай импортировал 658 тыс. баррелей, выделенный американцами лимит – 360 тыс. В это количество не входит нефть, производимая в рамках тех иранских проектов, в которых китайские инвесторы имеют долю. Как минимум, две государственные компании Китая останавливали покупку нефти в октябре, чтобы разобраться в деталях американских ограничений, и намерены возобновить импорт в ноябре с.г.

- Тайвань не собирается пользоваться американской льготой, поскольку доля Ирана в структуре нефтяного импорта страны составляет лишь 2% и найти альтернативных продавцов легко.

- Турция зависит от поставок из исламской республики больше других стран: 50% ее нефтяного импорта иранского происхождения. Отныне ей разрешено ввозить 60 тыс. баррелей в сутки при потребности порядка 230 тыс. **Фатих Дёнмес**, турецкий министр энергетики, говорит, что страна вынуждена искать альтернативных поставщиков.

Источник: **Иран теряет политический капитал, но сохраняет боеспособность**

ОБ АВТОРЕ

Александр Большаков

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Мировая экономика, экономика США

Область экспертизы: Эксперт по экономической политике США и деятельности ТНК

Профессиональный опыт: С 2006 по 2009 г. – преподаватель кафедры Государственного, муниципального и корпоративного управления Финансовой академии. С 2009 по 2012 г. – научный сотрудник Института проблем рынка РАН. С 2010 по 2012 г. – преподаватель Государственного университета управления. Автор регулярного дайджеста санкционной политики и публикаций по проблемам регулирования мировой экономики.

